

УДК 821.111

**ОБРАЗ ОРУАЛИ В РОМАНЕ К. ЛЬЮИСА «ПОКА МЫ ЛИЦ СВОИХ НЕ ОБРЕЛИ»
(«TILL WE HAVE FACES»)****Н.Н. ВОЛКОВА***(Представлено: д-р филол. наук А.А. ГУГНИН)*

В статье проводится сопоставительный анализ образа Оруали К. Льюиса в романе «Пока мы лиц своих не обрели» («Till we have faces») с ее каноническим образом. В связи с тем, что в современном интеллектуальном обществе наблюдается возросший интерес к мифологии и к творчеству К. С. Льюиса, в статье отражаются связь религии и мифа, а также новаторское видение канонических образов Льюисом.

Льюис перетрактовывает мифы так, что они становятся более увлекательными и занимательными, но вместе с тем сохраняет их религиозную значимость и дает шанс задуматься над евангельскими принципами. Мифологизм у Льюиса преследует определенные религиозные цели, но вместе с тем автор берет исходные античные мифы и совмещает их со средствами, характерными для современной литературы.

В среде западных философов и филологов уже давно известно, что сознание человека основывается на мифе, а антропология, социальная философия и культурология начинаются с мифологии [2]. Миф даже представляется в качестве, определенной «национальной идеи», такого унаследования большинства и является особенностью культуры определенного исторического периода.

Как говорит Карен Армстронг в своей книге «Краткая история мифа»: «человек издревле был мифотворцем» [3, с. 9]. Именно поэтому с давних времен человек не только создавал произведения прикладного искусства, но и являлся хранителем мыслей, создающих что-то за гранью обычной реальности. Одна из основных причин возрождения интереса к мифу заключается в том, что современный человек всегда сохраняет способность к «мифомышлению». Игнорируя основные богословские идеи своего времени, Льюис погружался в классические произведения прошлого и развивал свой оригинальный подход к библейской истории. Скептически относясь к историческому подходу, он считал приемлемой в отношении к Библии только такую историчность, которая подразумевает трансформацию мифа в факт [4, с. 121].

Льюис постепенно приходит к пониманию важности мифа. Для него миф не является просто сказкой или чем-то фантастичным, для Льюиса миф поразительно глубок и полон смысла. Миф не может быть передан простыми, а значит обыденными, словами, так как образно выражает скрытый смысл всей человеческой жизни. Тот же, кто пытается выразить миф в конкретных лингвистических рамках, имеет дело с иллюзией, а не самим миром этого самого мифа, так как он не может быть до конца описан или систематизирован [5, с. 160].

Миф у Льюиса или, по крайней мере, христианский элемент мифа, напоминает символ человеческих взаимоотношений с Богом и возвращение человека к общению с несотворенной Реальностью. Суть мифа состоит в том, что он является картиной более глубокой и абсолютной истины.

Творчество Льюиса нельзя назвать простой научной фантастикой. Это не что иное, как его собственный миф. Льюис придумывает и преобразовывает миф. Льюис также реконструирует образ сестры Психеи – Оруали. Образ не является каноническим и не соответствует образу апулеевской сестры. Образ Оруали Льюиса – это синтез нескольких образов: Афродиты (Унгит), Майи, Психеи и личности Оруали.

Примечателен тот факт, что образ Афродиты у Льюиса видоизменяется. Афродита традиционно рассматривается как богиня любви и красоты, чувственная и иногда жестокая, но всегда прекрасная и достойная поклонения. Льюисовская Афродита обретает другое имя – Унгит. Кроме этого, она становится кровожадной богиней: «если страну постигает какое-нибудь бедствие, мы перерезаем горло жертве на алтаре богини. Окропляем Унгит человеческой кровью» [6, с. 5].

Традиционно Афродита окружена всевозможными животными и благовониями. Приспешник Афродиты – Унгит – это Жрец, описание которого приводит в ужас. В таком образе Афродита еще ни разу не упоминалась. Также образ Афродиты у Льюиса окрашивается поверьем о том, что для Унгит любить и пожирать – одно и то же. Именно в этой фразе и заключается одна из частичек или по-другому лиц Оруали. Дуальность любовь-пожирание можно применить ко всем, кого любила Оруаль: Бардия, Психея, Редиваль, Лис.

Так, специфическая любовь Оруаль к Бардии проявляется в ревности его к супруге и попытке поставить себя на ее место: «Ансит была любима Бардией и потому была в некотором смысле моим врагом» и «В голове моей крутились немислимые картины – будто все могло быть иначе с самого начала, и Бардия был бы моим мужем, а Психея – нашей дочерью» [6, с. 86]. Между тем, стремление Оруаль

к тому, чтобы Бардия всегда был рядом и сопровождал ее в походах, и убивает Бардию. Стремление обладать всем его временем приводит к износу жизненных сил Бардии и его жены.

Третьей жертвой любви-пожирания Оруали становится Редиваль. Если изначально эта героиня не вызывает особой симпатии из-за своей распущенности и мстительности, то эти ее недостатки являются лишь попыткой привлечь к себе внимание из-за угасающей любви сестры: «Раньше Оруаль любила меня, затем появился Лис, и она стала любить меня меньше, а когда родилась малютка, она и совсем меня разлюбила» [6, с. 96].

Оруаль всеми способами стремится быть любимой и любить, но в то же время отталкивает прежде горячо любимую сестру из-за более красивого существа. Редиваль можно считать третьей жертвой Унгит.

Четвертой жертвой является Лис. Оруаль делает его свободным человеком, но любовь и эгоизм, а также будущее чувство одиночества приводит снова к воплощению любви-пожирания. Невозможность увидеть свою родину и изнурительная работа на Оруаль убивает Лиса.

Пятой жертвой становится сын Бардии Илердия, которого Оруаль не отпускает от себя, хотя в гневе на его мать хочет дать ему вольную. Примечательным тут является то, что любовь-пожирание является закономерным следствием любви Оруали, так как ее любовь эгоистична и не может принимать того факта, что иногда, когда любят человека, его нужно отпустить, на что ей указала жена Бардии.

Шестой и наиболее любимой жертвой является Психея. Это единственный герой, к которому нельзя применить только эгоистичную и пожирающую любовь Оруали: к эгоистичной любви в данном случае примешивается еще и жертвенная и всеобъемлющая любовь: «я жалела, что я не жена Царя и не мать Психеи, жалела, что я не мальчик и не могу влюбиться в нее, жалела, что я довожусь ей только единокровной сестрой, жалела, что она – не моя рабыня, потому что тогда я смогла бы даровать ей свободу и богатство» [6, с. 10].

Оруаль заботится искренне, по-матерински о Психее, но в то же время, она хочет, чтобы Психея ей подчинялась и делала все только так, как того хочется Оруали. Она приказывает Психее и принуждает ее к ненавистному Психее поступку. Любовь-эгоизм пожирает Психею. Так как Оруаль изначально внутренне чувствует, что счастье сестры основывается на любви искренней, она сама признается, что ей нечего сказать, ибо она изначально не верила во всю историю с разбойником с гор. Эгоизм и материнская забота, опека и любовь-пожирание губит Психею.

Даже самой себе Оруаль признается, что одно из ее лиц – Унгит: «Я была новой Баттой, всепожирающей, но бесплодной утробой. Глом был моей паутиной, а я – старой вздувшейся паучихой, объевшейся людскими жизнями» [6, с. 103].

Вторым лицом Оруали была Майя. Это имя встречается довольно редко. В основном, Майей Оруаль называет Психея – и это дает подсказку в раскрытии многоликого образа Оруали.

В греческой мифологии Майей называли одну из плеяд, причем самую красивую. Имя ее также переводилось как матушка или кормилица, что указывало на присущие ей функции воспитания и вскармливания [7].

В ведийской мифологии имя обозначает способность к перевоплощению, видоизменению, чудесную метаморфозу. Также имя Майя обозначает в ведах обман и иллюзорность. О Майе говорится, что она причина страданий человека и его бессилья. Из-за нее человек забывает о своей божественной природе [8].

Таким образом, имя Майя – это образ кормилицы и многоликости. Поэтому неудивительно, что именно Психея называет Оруаль Майей, так как Оруаль заменяет маму Психеи: «Я всегда была Психее нежной матерью, так к чему становится карающей фурией? Какая-то часть моей души нашептывала мне: «Оставь их в покое. Есть чудеса, которых тебе не дано понять. Не торопись: кто знает, что станет с ней и с тобой, если ты вмешаешься?» Но другая часть напоминала мне, что я для Психеи – и мать, и отец, что любовь моя должна быть суровой и дальновидной, а не всепрощающей и близорукой, что иногда она должна быть даже жестокой. В конце концов, Психея – всего лишь ребенок. Если даже я не могу разобраться в этой загадке, что может она? Дети должны слушаться старших. Мне было больно, когда цирюльник вынимал занозу у Психеи. Но разве я отослала цирюльника прочь?» [6, с. 60].

Эта забота в каких-то моментах граничит с деспотией, так как Оруаль требует именно повиновения и следования всем приказам. Забота граничит с жадной единоличного обладания. Но нельзя сказать, что забота Оруали только губительно влияет на Психею. Оруаль искренне переживала за Психею, когда та болела или плакала, когда Психею отправляют на похоронную свадьбу, даже в незримом замке Оруаль переживает, что Психея может простудиться – это и является проявлениями материнской заботы. Самопожертвование, когда Оруаль хочет умереть вместо Психеи тоже не может истолковываться как эгоистический порыв, скорее, это именно проявление материнских чувств. Оруаль не только заботится о Психее, она является также и ее наставницей, поэтому эгоистично полагает, что Психея – это ее творе-

ние: «не я ли научила ее этому благородству? Ведь она была все же моим творением. А теперь она смотрела на меня так, словно ниже меня не было твари на земле» [6, с. 63].

Нельзя сказать, что образ Майи сугубо отрицательный. Все же это специфическая форма искренней заботы, которая переплетается с желанием обладания и подчинения. Возможно, именно безграничной любви и единоличной преданности добивается Оруаль, чтобы компенсировать свою внешнюю неполноценность и внутреннее одиночество.

В отношении Психеи подходит и ведийская трактовка имени Оруали. Психея – полубожественное существо, которое хотело и почти воссоединилось с богами, если бы не шантаж Оруали. Оруаль становится причиной страдания Психеи, а также благодаря Оруали Психея отрекается от своего божественного предназначения и единения с богом. В данной ситуации Майя является также и обманом. Оруаль сама признается, что изначально не верит в историю с разбойником. Таким образом, она губит божественное начало в своей сестре: «Я оскорбляла мою сестру и – что намного хуже – обходилась с ней как с ребенком, а она все это время была высшим существом – может быть даже, одной из бессмертных» [6, с. 52].

Наиболее интересным явлением в образе Оруали является ее многоликость. Так, Оруаль является и Майей, и Унгит, и Царицей, и Психеей, и Оруалью как таковой. В этом образе совмещена искренняя любовь и соперничество, так как на подсознательном уровне Оруаль считает Психею своей соперницей. Это подсознательное чаще всего проявляется во снах и галлюцинациях Оруали: «Мы шли к брачному ложу, но на пороге опочивальни Психея, ставшая карлицей в локоть ростом, вводила у меня жениха, поманив его пальцем. И все гости показывали на меня пальцами и хихикали» [6, с. 33].

В то же время Оруаль после похорон Психеи не знает, как и зачем жить дальше. Однако сама же хочет ее убить, оправдывая себя тем, что она не хочет, чтобы запятнали святость и честь Психеи, но, возможно, решение убить Психею – это месть за то, что Психея любит кого-то еще, кроме нее, и обида за то, что кто-то может быть счастлив без нее: «Она же счастлива, – сказала мне сердце. – Бог он, чудище или безумная мечта, но она счастлива. Ты видела это своими глазами. Она в десять раз счастливее, чем была рядом с тобой. Оставь ее в покое. Не мешай ее счастью. Не отнимай у нее того, что сама не можешь ей дать. Да, она счастлива, – подумала я, – но она не имеет на это права» [6, с. 53].

Одновременно в Оруали живет и взрослая мудрая женщина, и ребенок. Оруаль, с одной стороны, выступает как символ женщины-предпринимателя: она поднимает уровень образования, строит библиотеки, налаживает шахты, отпускает рабов, ведет внешнюю и внутреннюю политику – это является скорее образом современности, чем воплощением древней апулеевской легенды. С другой – когда Оруаль понимает, что Лис от нее может уйти, она превращается в ребенка, который рыдает и умоляет, чтобы взрослый остался.

Важной деталью для создания образа Оруали выступает ее самоопределение. Так, ее мироощущение близко к экзистенциальному: «А что такое "я", как не тщета и пустота?» [6, с. 90] и «Хотя стояла весна, во мне все царил зима, сковавшая все мои силы. Казалось, я уже умерла, но не в том смысле, о котором говорили боги и Сократ. Несмотря на это, я продолжала ходить, говорить, отдавать распоряжения, и никто не смог бы найти во мне никакого изъяна» [6, с. 106].

Множественность ее воплощений порождает внутреннюю пустоту и потерю самоопределения. Она чувствует себя внутренне опустошенной и покинутой. Из-за постоянных перевоплощений, она начинает забывать, кто она такая на самом деле. Не последнюю роль в этом играет и вуаль, которой прикрывает лицо Оруаль. Так же, как и у Абэ Кобо в «Чужом лице», тут прослеживается мысль о том, что свое лицо можно скрывать под разными масками, а в конечном итоге запутаться, где же твое настоящее лицо, а где маска. Так, вуаль заставляет верить в красоту Оруали, а также в ее ум и потрясающий голос.

В то же время Клайв Льюис трансформирует образ сестры Психеи. В первую очередь он наделяет ее именем, так как у Апулея встречается только определение «сестра Психеи». Во-вторых, сестра Психеи по Апулею – красивая девушка («старшие по годам и были прекрасны на вид» [9]), а вот Оруаль Льюиса никакой природной красотой не обладает, скорее наоборот, она уродлива. Но вместе с тем апулеевская сестра – это простой образ завистливой девушки, не наделенный какими бы то ни было уникальными качествами. Образ льюисовской Оруали усложнен умственным совершенствованием и стремлением к знаниям. Оруаль стремилась выматывать себя на занятиях и постигать намного больше, чем могла. В то же время образ Оруали – это образ современной женщины. Можно сказать даже, что это женщина-феминистка. Так, она часто сравнивается с мужчиной и жалеет о том, что она не мужчина: «Я хотела укрепить в себе ту жестокую и беспощадную силу, которую впервые ощутила в себе, выслушав приговор богов. Занятиями и трудами я хотела вытравить из себя женщину» [6, с. 70].

Оруаль вытравливает из себя женщину, она дерется и принимает решения как мужчина, но в то же время она находит несовершенства в мужчинах, например, она обижается на Лиса, когда тот засыпает во время важных переговоров, и понимает, что сердце мужчины не способно сосредоточиться на чем-то одном. Даже в манере убийства прослеживается комплекс кастрата: Оруаль поражает царевича именно в паховую область. А свою девственность она сублимирует ратным искусством. Ощущается и стремле-

ние к равенству, которое отражается на пире после победы, когда и Оруаль, и мужчины сидят за одним столом.

Последнее из лиц Оруали – это Психея. Интересен тот факт, что в произведении уживаются две Психеи. В этом образе воплощается жертвенность Оруали. В эпизодах, непосредственно связанных с легендой (перебирание зерен, собирание шерсти, наполнение кувшина и спуск в преисподнюю), Оруаль берет все трудности и испытания на себя. Свообразно она именно в этих моментах проявляет свою истинную любовь к сестре, примеряя ее образ на себя. Это как мысль о единении людей, где нет кого-то отдельно, что все настолько близки друг другу, что сложно определить, где заканчивается один и начинается другой. Именно в образе Оруаль-Психея прослеживается христианская мораль. Образ Оруаль-Психеи можно сравнить с образом Иисуса, который принял на себя все грехи и тяжести человечества. Самопожертвование, благодаря которому родной человек может проходить через трудности без особых проблем только потому, что все тяготы уже принял на себя другой.

Льюис вводит новый тип повествования, где он преобразовывает и разрабатывает миф таким образом, что он является проводником к реальности, в то же время, с другой стороны, показывая суть христианства. Между мифом и истиной у Льюиса нет четкого различия. Миф порождает истину, и истина есть в мифе. Суть мифа состоит в том, что он является картиной более глубокой и абсолютной истины. К. Льюис создает уникальный образ, который является своеобразным синтезом многих других образов. В образе Оруали практически отсутствует канонический образ апулеевской сестры. Образ Оруали – это образ видоизмененной Афродиты, которая является символом любви и смерти; это образ кормилицы и воспитателя Майи; это образ многоликого существа с огромным количеством масок (лиц); это образ взрослой женщины и вместе с тем ребенка; это образ экзистенциальной личности; это воплощение религиозного образа, являющегося аллюзией на Иисуса; это синтез мужского и женского начала и отсылка к андрогинности; это образ феминистки и современной бизнес-вумэн.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энциклопедический словарь английской литературы XX века / Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН ; отв. ред. А.П. Саруханян. – М. : Наука, 2005. – 541 с.
2. Козолупенко, Д. П. Миф на гранях культуры / Д. П. Козолупенко. – М. : Канон+, 2005. – 265 с.
3. Армстрон, К. Краткая история мифа / К. Армстрон. – М. : Открытый мир, 2005. – 199 с.
4. Freshwater, M.E. C.S. Lewis and the truth of myth / Mark Edwards Freshwater. – Lanham : University Press of America, 1988. – 121 p.
5. Матвеева, А. С. Концепция мифа в этико-эстетических воззрениях К. С. Льюиса / А. С. Матвеева // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2012. – № 1(2). – 160 с.
6. Льюис, К. Пока мы лиц своих не обрели / К. Льюис ; пер. с англ. И. Кормилцев. – Б.С.Г. : Пресс, Иностран. лит., 2000. – 304 с.
7. Греческая мифология [Electronic resource]. – Словари и энциклопедии на академике. – 2000. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_myphology/713/%D0%9C%D0%B0%D0%B9%D1%8F. – Дата доступа: 30.04.2016.
8. Веды и ведическая культура в современном мире [Electronic resource] / Ведическая философия. – 2012. – Режим доступа: <http://vedic-culture.in.ua/ru/philosophy/vedic-philosophy/103-vedic-philosophy.html>. – Дата доступа: 30.04.2016.
9. Апулей, Л. Метаморфозы, или Золотой осел / Луций Апулей. – М. : Канон+, 2000. – 119 с.